

Танц-класс

"Вестсайдская история" снова на сцене. За последние 38 лет хореограф Джером Роббинс в десятый раз вернулся к мюзиклу, прославившему его на всю Америку.

В 50-е годы идея о перенесении шекспировской "Ромео и Джульетты" в современные урбанистические декорации была смелой и неожиданной — но и только. Сейчас, десятилетия спустя, стало ясно, что, несмотря на изменения в подростковом сленге и значительное повышение порога восприимчивости к насилию в средствах массовой информации история вражды и любви в бедном квартале Нью-Йорка не только не устарела, но, наоборот, смотрится более свежо и дерзко. Для 76-летнего хореографа постоянное возвращение к любимому спектаклю стало творческим ритуалом, и совсем недавно, в мае 1995 года он снова вернулся к своему творению, поставив его как танцевальную сюиту для труппы "Нью-Йорк сити бэллз".

В чисто танцевальной форме "Вестсайдская исто-

Новый старый спектакль

рия" ставится впервые; встреча Бродвея с классическим балетом вылилась в мощное, неистовое шоу, воздающее почести мужскому стилю танцев и хореографии. Роббинс лично вел репетиции и впоследствии заявил: "Многие танцоры говорили мне, что пришли в балет после того, как посмотрели "Вестсайдскую историю". Приятно было это слышать".

Эта история уходит корнями в начале 50-х, когда актер — приятель Роббинса собрался играть Ромео на сцене драматического театра, и попросил совета относительно пластики образа. "Я попытался представить себе шекспировские страсти в современных декорациях, вспомнил впоследствии хореограф, — и вдруг во мне что-то включилось". Причем включилось на редкость злободневно: термин "подростковая преступность" не сходил с первых полос газет, которые постоянно писали об уличных бандках и босских законах.

Роббинс быстро нашел себе талантливых "сообщников" в лице композитора Леонарда Бернстайна и сценариста Артура Лорентца; позже к ним присоединился в качестве либретиста будущий бродвейский ас Стивен Сондхайм. Нельзя сказать, что работа с самого начала шла гладко: в первой версии воюющими сторонами были евреи и католики, но Лорентцу показалось, что сюжет получается слишком похожим на "Ирландскую розу Эби". В конце концов было решено, что противоборствовать будут две группировки: пуэрториканской молодежи (после Второй мировой войны Нью-Йорк заполнили беженцы из слаборазвитых стран) и белых бедняков-подростков.

В сентябре 1957 года премьера "Вестсайдской истории" состоялась на Бродвее: критики были удивлены, озадачены, даже раздражены, не зная, како-

ми должны быть критерии оценки мюзикла, который при этом являлся трагедией, но вместе с тем постоянно взбадривал зрителей щедрыми порциями комического; произведения, где герои выясняли отношения не в песнях, а в танцах, но которое при этом не претендовало на знание балета, оставаясь по форме мюзиклом; наконец, шоу, в котором, вместо роскошных "лестниц в рай" и декораций экзотических замков, на сцене красовались неухоженные дворы и лестницы пожарного выхода.

У зрителей не было таких сложных проблем: они приняли спектакль всем сердцем, и "Вестсайдская история" с тех пор практически не сходила со сцены — как только закрывался спектакль одной труппы, его тотчас же ставила другая. В 1961 году вышел фильм Роберта Уайза с Натали Вуд и Ричардом Беймером. Наконец, в 1989 году, когда Роббинс готовил свое юбилейное шоу к своему 60-летию, большинство танцевальных номеров "Вестсайдской истории" вошло в постановку "Бродвей Джерома Роббинса", и именно тогда стало ясно, что эти данные хореографические находки устарели меньше всего.

Идея адаптации материала "Вестсайдской исто-

рии" для балета не нова. Еще 20 лет назад Американский балет-театр обратился к Роббинсу, но поскольку тот руководил в то время театром-соперником, Сити-бэллз, то счел правильным сначала посоветоваться с руководителем театра Джорджем Баланчиным. "Замечательно, — сказал тот. — Потому что наши ребята еще никогда не дрались". Идея так и не дозрела до воплощения, но замечание Баланчина говорит о многом. Балетные исполнители гораздо больше полагаются на технику и гораздо менее — на самовыражение, чем бродвейские артисты. Их игра — пантомима, и они, как правило, должны строго выполнять то, что им велит хореограф. А здесь они столкнулись с новой манерой исполнения, которая стала серьезным испытанием для артистов классического склада.

"Бродвейские танцоры гораздо больше привыкли к риску, — говорит Роберт Лафосс, исполняющий главную партию в сюите "Вестсайдская история" — Ребята из балета, возможно, впервые учатся самостоятельно мыслить категориями хореографов".

Для этого Роббинсу пришлось преподавать своим танцорам не только основы хореографии, но и уроки недавней истории. Он объяснял, например, что совсем недавно не пистолет, а именно нож считался оружием избранных; как важны территориальные споры для молодых людей, у которых нет ничего, кроме "своей" территории; и даже изменения в словопотреблении.

"Для этих ребят слово "cool" значит "хипповый", — замечает он. — А в то время оно означало "хладнокровный".

Ассистент Роббинса Жан-Пьер Фролих говорит, что маэстро заставляет каждого танцора сочинять биографию своего персонажа. В результате балет и

мюзикл переплетаются; яркий индивидуализм танцоров воплощается в не менее ярких индивидуальностях героев, "говорящих" на языке движения так, что зритель "видит" слова. Роббинс на редкость тактично решил вопрос с песенными номерами: частично их исполняет хор в оркестровой ложе, частично — сами танцовщики: шесть балерин пламенно поют "Америку", а танцор из Дании Николай Хюbbe самозабвенно исполняет "Cool", хотя ни разу в жизни не был на уроке пения. "Когда поешь, акцент не так заметен", — в шутку говорит он.

По мимо старых номеров, в сюиту вошел один новый — "Нечто приближается", в котором солирует Роберт Лафосс. Воздушный и вместе с тем

приземленный Лафосс в роли Тони доказывает снова, что он — идеальный танцовщик Роббинса, выступает ли он на Бродвее или в классическом балете. Не менее эффектно Нэнси Тикотин, исполняющая партию Аниты.

"Вестсайдская история" стала очередной кульминацией творчества Роббинса. С конца 80-х, когда появилось шоу "Бродвей Джерома Роббинса", по 1994 год, когда хореограф поставил для Барышников сюиту на музыку Баха, об экс-легенде Бродвея было мало что слышно. Роббинс говорит, что именно Михаил Барышников убедил его вернуться в студию. "Для меня вопрос стоял так: сейчас или никогда", — вспоминает он. Увлеченный Бахом, он поставил впоследствии несколько двух- и трехактных миниатюр для студентов Школы американского балета, работа с "людьми на взлете творческой энергии" способствовала самообновлению маэстро. Сейчас миниатюры под названием "Частные изобретения 2 и 3" исполняются на сцене Нью-Йорк-сити бэллз.

Новый штурм Роббинса стал долгожданным: совым вливанием в медленно чахнувший балетный бизнес. Май-июль традиционно считаются "белыми месяцами" во всех больших национальных балетных труппах, а в последнем сезоне в залах все чаще можно видеть ряды пустых кресел. Билеты же на "Вестсайдскую историю" были распроданы на много недель вперед еще до дня премьеры. Всем нам очень не хватает смелых новых творений, и если таковым становится один из обновленных старых спектаклей — поаплодируем.

Марта ДАФФИ.

НЬЮ-ЙОРК.